

УДК 58(092)

Р. В. Камелин (эскизы к портрету учителя)

А. Л. Буданцев

Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН, ул. проф. Попова, д.2, Санкт-Петербург, 197376, Россия
E-mail: abudantsev@mail.ru

Ключевые слова: биография, Ботанический институт, растительные ресурсы, флора, экспедиция, Казахстан, Монголия, *Dracocephalum*.

Аннотация. Представлены воспоминания о научном руководителе, многоуважаемом коллеге, талантливом учёном, разносторонне эрудированном ботанике – Рудольфе Владимировиче Камелине. Сообщается о совместной работе в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова РАН, в редколлегии журнала «Растительные ресурсы», об экспедициях в Монголию, Казахстан и Среднюю Азию.

R. V. Kamelin (sketches for a portrait of the teacher)

A. L. Budantsev

Komarov Botanical Institute RAS, Prof. Popov St., 2, St. Petersburg, 197376, Russia. E-mail: abudantsev@mail.ru

Key words: biography, Botanical Institute, plant resources, flora, expedition, Kazakhstan, Mongolia, *Dracocephalum*.

Summary. The article presents the memories about the supervisor, dear colleague, a talented scientist, versatile erudite botany – Rudolf Vladimirovich Kamelin. It is reported about the work together with author in the Komarov Botanical Institute of Russian Academy of Sciences, in the editorial board of the journal “Plant Resources”, about expeditions to Mongolia, Kazakhstan and Middle Asia.

Уважаемый читатель! Написанное ниже представляет собой изложение личных впечатлений от встреч с Рудольфом Владимировичем Камелиным, как в стенах Ботанического института, так и в ходе совместных экспедиций. Оно не претендует на точную хронологичность и объективность и не может служить основой для каких-либо серьезных обобщений. Единственное, что присутствует в этих строках – искренность, и именно так я предлагаю их расценивать.

Мои первые встречи с Рудольфом Владимировичем Камелиным проходили в начале 1980-х гг. вскоре после окончания университета. Он тогда работал в Гербарии БИН и был заместителем директора нашего института (директором был А. Л. Тахтаджян). Я же, учась на вечернем отделении, числился лаборантом в Отделе растительных ресурсов. Одна из плановых тем отдела была посвящена поискам эффективных их-

тиоцидов растительного происхождения, среди которых этим свойством обладают некоторые виды рода *Verbascum* (коровяк). Систематике и географии казахстанско-среднеазиатских видов этого рода и была посвящена моя дипломная работа. Собственно ресурсоведческой тематикой я не интересовался (вернее, просто в ней не ориентировался) и при поддержке моего наставника Л. В. Кузьминой, систематика и ученицы М. М. Ильина, пытался постигнуть особенности таксономии, номенклатуры, освоить принципы определения растений. Конечно, этому способствовали и занятия в университете.

Надо признаться, что в годы моего студенчества имя Р. В. Камелина было мне почти неизвестно, хотя, безусловно, к началу 1980-х годов он уже был признан как одаренный ботаник. И когда обсуждался вопрос о моей дальнейшей специализации, мой отец, с которым у меня

всегда были очень доверительные отношения, однозначно сказал, что если я пойду «под крыло» Р. В. Камелина, то, прежде всего, пройду отличную школу и, возможно, стану неплохим ботаником. К счастью, у Л. В. Кузьминой оказалась книга Рудольфа Владимировича «Флорогенетический анализ естественной флоры горной Средней Азии» (Kamelin, 1973), которую я стал читать с большим интересом. Конечно, многое из написанного в ней мне было непонятным, но прежде всего меня поразила простой (и оттого замечательный) стиль изложения. Я был потрясен огромным фактическим материалом, которым иллюстрировались широкие и глубокие взгляды Рудольфа Владимировича на происхождение среднеазиатской флоры.

Вот так, находясь под сильным впечатлением от прочитанного, в один из дней я направился в известный «комаровский» кабинет, расположенный на 4-м этаже в Гербарии, который тогда занимал Р. В. Камелин. Конечно, явился я к нему в часы приема, ожидая некоторое время на стульчике, поставленном сердобольными гербарными сотрудниками.

Увы, содержание первой беседы я не запомнил, поскольку находился буквально в гипнотическом состоянии: ведь со мной разговаривал сам автор только что прочитанной книги. (Как же я потом жалел о том, что эта и несколько последующих встреч с Рудольфом Владимировичем прошли именно в таком моем состоянии). Но атмосфера всегда была очень благожелательная. Помню только, что Р. В. Камелин почти сразу попросил принести мою дипломную работу. Постепенно наши беседы из монологов стали превращаться в диалоги. Я признался Рудольфу Владимировичу, что коровьяками заниматься в дальнейшем не хотел бы и попросил его дать мне род для систематического изучения. Он предложил заняться зизифорами. Но после просмотра гербарных коллекций (прежде всего кавказских сборов), я понял, что это не мой объект. Сейчас я бы сказал, что у меня не сложился образ этого рода. Еще будучи в среднеазиатских экспедициях меня (чисто эстетически) привлекли виды змееголовников (*Dracocephalum*), поэтому я попросил разрешение Р. В. Камелина дать мне этот род. Вообще говоря, это можно было расценить как некоторую дерзость с моей стороны, но Рудольф Владимирович только спросил меня – справлюсь ли? Несмотря на то, что тематика ограничивалась изучением видов этого рода в границах СССР, он сразу сказал, что моногра-

фические обработки не должны быть чисто региональными и уж если браться за систематику какого-либо рода, то, независимо от формальной темы, его надо смотреть целиком. Об аспирантуре речь не шла (и сам Рудольф Владимирович не настаивал на этом), поскольку я был в штате института, а самое главное – в Отделе растительных ресурсов, возглавлял который тогда П. Д. Соколов, не было препятствий для проведения моей работы, естественно, в основном в Гербарии.

Вскоре Р. В. Камелин стал заведовать Лабораторией аридной зоны, которая располагалась тогда в здании, известном всем биновцам (и не только) как «Кизи», и дальнейшие наши встречи проходили в его кабинете на втором этаже. Нельзя сказать, что виделись мы регулярно, но по мере того, как у меня созревали рукописи заметок или статей, я непременно направлялся к Рудольфу Владимировичу для их обсуждения. И этим наши беседы далеко не ограничивались. Он рассказывал мне о своем видении проблем флористики, систематики, географии растений, посвящал меня в тонкости работы со старыми «латиноязычными» авторами. Он поведал мне о своих первых шагах в изучении растений. И тогда я узнал (и немало был удивлен), что настольной книгой Р. В. Камелина в школьные годы была книга П. М. Жуковского, посвященная культурным растениям и их сородичам. А иногда наши разговоры касались музыки и поэзии, в особенности премудростям перевода стихов на русский язык. Для меня, например, было полным откровением, когда в его лаборатории, по-моему, к празднованию Нового года, был вывешен целый стенд (или постер, как сейчас говорят), посвященный переводам ряда стихов с испанского на русский, которые сделал Р. В. Камелин.

Безусловно, Рудольф Владимирович оставался и остается крупнейшим знатоком флоры Казахстана и Средней Азии, но мне показалось странным, почему мой род *Dracocephalum* не был упомянут в его книге. Может быть, он им не интересовался? – думал я. Но когда я принес ему фрагмент системы (весьма неполной, без самобытных змееголовников Китая, приведенных в недавно вышедшем на китайском языке томе флоры этой страны), то Р. В. Камелин тотчас спросил: а где в системе секция *Sinodracon*? А я-то наивно полагал, что об её существовании известно только мне. После этого я уже никогда не задавал себе подобных глупых вопросов.

Как известно, Р. В. Камелин хорошо знал немецкий язык (в том числе). И я изучал его в

школе и университете. Поэтому мы «находили общий язык» при обсуждении произведений Энглера, Дильса, Хандель-Мацетти, Хагена и других ученых, посвященных вопросам флористики и географии. Несколько интересных статей менее известных авторов Рудольф Владимирович рекомендовал мне к прочтению. Вообще же осведомленность его в ботанической литературе была просто потрясающей. Казалось, что ему были знакомы все более-менее крупные и не очень крупные творения ботаников. Р. В. Камелин читал очень быстро, а, самое главное, моментально улавливал суть прочитанного. И это при том, что я, например, практически не видел его в библиотеке, во всяком случае, в читальном зале. Вероятно, период активного «поглощения» литературы проходил еще до нашего знакомства (По словам отца, где бы ни был Р. В. Камелин, на дежурстве в народной дружине или на партсобрании, он не расставался с оттисками, журнальными выпусками, одновременно с чтением что-то записывал). А поскольку Рудольф Владимирович обладал феноменальной памятью, ему не надо было заново прочитывать уже усвоенное. Хорошо помню, как он вместе с Б. А. Юрцевым обсуждали содержание будущей их совместной книги «Основные понятия и термины флористики». Задумывалась она как научно-методическое пособие для студентов, а по сути представляла собой логическую систему понятий, построенную по принципу сравнительного их анализа и анализа подходов и представлений разных авторов, предлагающих различные, а иногда порой близкие по содержанию термины в области флористической географии.

Таким образом, завязываясь на теме моей диссертации, наши беседы затрагивали широкий круг вопросов, порой выходящих за пределы ботаники. Я считаю, что такое неформальное отношение к подопечным со стороны Р. В. Камелина ставило его на порядок выше простого руководителя или консультанта.

Шло время, подходила к концу моя работа над змееголовниками. И вновь встал вопрос, теперь уже о дальнейшей моей специализации. Я, естественно, планировал работать в Гербарии и продолжить систематическую деятельность. Но Р. В. Камелин настоял на том, чтобы я оставался в Отделе растительных ресурсов. Поначалу его позиция была мне не очень понятной, но она была объективно правильной, т. к. Отделу было крайне противопоказано размывание кадров. Так, не без участия Рудольфа Владимиро-

вича, была определена моя дальнейшая научная судьба. Надо сказать, что в начале 1980-х гг. он курировал и в какой-то степени определял ресурсоведческую проблематику, будучи главным редактором журнала «Растительные ресурсы», которым был назначен после смерти Ал. А. Федорова. Р. В. Камелин всегда благосклонно относился к ботаникам-ресурсоведам, ценил наши сводки, радовался достижениями нашего Отдела и сетовал на стремительное его сокращение. Позднее, руководя кафедрой ботаники в Санкт-Петербургском университете, он был инициатором создания курса лекций по ботаническому ресурсоведению, который несколько лет читал автор этих строк. Обсуждали мы с ним формат представления сведений о полезных свойствах растений, которые, как считал Рудольф Владимирович, должны стать обязательными в новом проекте «Флора России». В конце 1990-х гг. он предложил мне войти в состав редколлегии журнала. До этого времени журнально-редакторская деятельность была для меня делом незнакомым, поэтому первое время на заседаниях редколлегии я видел воочию роль в них главного редактора. Р. В. Камелин, будучи всегда человеком занятым, особенно в период, когда он возглавлял помимо нашего журнала еще и «Ботанический журнал», непосредственного участия в подготовке и формировании выпусков не принимал (этим занималась опытейший редактор и ответственный секретарь журнала Л. П. Маркова), но к началу заседаний он прочитывал весь набор статей выпуска и на самом заседании давал всегда существенные комментарии практически к каждой рукописи. Постепенно я стал вникать в журнальную «кухню», а сам Р. В. Камелин неоднократно разъяснял мне ее особенности, связанные, например, с соблюдением традиций журнала, принципам формирования редколлегии и т. д. Поэтому деятельность Р. В. Камелина как главного редактора для меня была и остается эталоном. Сам же Рудольф Владимирович в журнале «Растительные ресурсы» опубликовал несколько статей, из которых статья «Биологическое разнообразие и интродукция растений» (Kamelin, 1997) заслуживает особого внимания, поскольку в ней изложен его оригинальный взгляд на проблемы и цели интродукции растений.

Конечно, невозможно, говоря о Р. В. Камелине, не коснуться его экспедиционной жизни. Так сложилось, что довольно долго наши экспедиции проводились параллельно, а совместных было только три. Первая состоялась летом 1987

г. в восточные районы Монголии. Ее маршрут детально разрабатывался еще зимой и подразумевал детальные исследования Прихинганских территорий. Впечатления об этой поездке я получил еще в поезде в Москву, когда Р. В. Камелин, обсуждая с Ю. В. Гамалеем общность происхождения своих фамилий (тоже участником экспедиции), одновременно делал набросок горного пейзажа, выполненный цветными фломастерами. Так я узнал о еще одной грани таланта шефа. (Ранее он никогда мне не говорил о своей любви к рисованию). В Москве к нам присоединился И. А. Губанов, отличный экспедиционер, беззаветно преданный гербарному делу. А накануне, в гостинице, мы с Рудольфом Владимировичем провели почти всю ночь(!) в разговорах о ботанике и ботаниках. Помимо этого, я попросил рассказать Р. В. Камелина о его становлении как ученого. И вот что было записано на следующий день в самолете в моем дневнике. «Еще в школе Р. В. заинтересовался растениями. Начиная с шестого класса руководил кружком юннатов (хотя, по его мнению, это был не совсем юннатский кружок). Занимаясь в кружке, они выписывали семена, высаживали их на пришкольном участке («чего только у нас не росло»), а сам Р. В. часто организовывал экскурсии на природу с показом основных растительных ландшафтов. Начальный этап его деятельности был определен влиянием учительницы биологии, о которой он отзывался очень хорошо. Учительница уже тогда, заметив способности ученика, советовала ему идти только в сельскохозяйственную академию, но Р. В. выбрал и поступил в университет. Будучи студентом второго курса Пермского университета, он попал в среднеазиатский экспедиционный отряд, который работал главным образом в Казахстане. Затем последовала работа с институтом Химии растительных веществ [в котором работал известный специалист по эфирным маслам М. И. Горяев], отряд которого обследовал южные районы Казахстана, Западный Тянь-Шань, а также близлежащие пустыни (Муюнкум и Бетпак-Дала). Поскольку в отряде были в основном химики, которые занимались главным образом отгонкой эфирных масел, то функции Р. В. состояли в определении исследуемых растений. ... Остальное время Р. В. использовал для сбора гербария. Им было собрано 1200 видов и около 3000 гербарных листов. Вернувшись в Пермь, Р. В. принялся за обработку собранного материала. Его руководитель по университету А. Н. Пономарев отправил Р. В. в Ленинград, в

БИН, где он впервые познакомился с его гербарным фондом, а затем в МГУ на конференцию молодых ученых. Несмотря на то, что в конференции принимали участие аспиранты, студент Р. В. Камелин сделал хороший доклад. На старших курсах Р. В., замеченный в Институте ботаники АН ТаджССР, занимался изучением и описанием растительности одного из заповедников (так и не созданного) в Дарвазе. После окончания университета он был приглашен в Душанбе, где работал по заданиям П. Н. Овчинникова, который уже успел оценить Р. В. как флориста. Но основная тема его работы – анализ флоры Варзоба – была дана позднее. В Таджикистане Р. В. проработал 4,5 года, причем обследовал не только Варзобское ущелье, но и многие районы Средней Азии (за исключением Туркмении). Неоднократно приезжал в БИН, где встречался со многими нашими корифеями (Б. К. Шишкиным, С. Ю. Липшицем, В. П. Бочанцевым, А. Г. Борисовой, С. Г. Горшковой и др.), которые влияли на формирование Р. В. как систематика. В одну из поездок в Таджикистан А. Л. Тахтаджяна и Е. М. Лавренко (ранее с Р. В. незнакомыми) Р. В. проводил для них экскурсии. За этим последовало приглашение в аспирантуру, на что П. Н. Овчинников реагировал отрицательно. Но под влиянием этих «биновцев» П. Н. Овчинников принял Р. В. в аспирантуру с тем, чтобы попытаться оставить его в Душанбе. Сам же Р. В. был настроен на переезд, понимая, что БИН и Институт ботаники в Душанбе не равнозначны. В конце концов, Р. В. был переведен в БИН (случай не тривиальный) как аспирант к Тахтаджяну. ... После приезда в Ленинград Р. В. был принят А. Л. Тахтаджяном, который предложил заняться хемосистематикой. Но у Р. В., с уже сложившимися представлениями о ботанике, а также с интересом к флористическим исследованиям, не было желания заниматься предложенным. Тому способствовал и Ан. А. Федоров, друг А. Л. Тахтаджяна, который и предложил оставить в силе начатые Р. В. разработки по флоре Варзоба, согласившись стать его руководителем. ... Все руководство, по словам Р. В., складывалось к тому, что Ан. А. рассказывал множество баек, которые уходили то к Корнеру, то к Энглеру и через которые удавалось уловить самое главное. Он никогда со мной не спорил по существу (в смысле, не соглашался), а старался незаметно для слушателя убедить в своей правоте. В БИНе научная жизнь складывалась уже благоприятно и проходила в нормальном русле. Хотя П. Н. Овчинников некоторые время

пребывал в обиде за «потерянного работника». В эту ночь, как я уже отмечал, Рудольф Владимирович очень интересно рассказывал мне и о ботаниках, которых я либо не застал или только видел, или с которыми был частично знаком. Вот фрагменты некоторых портретов (возвращаясь к дневнику): «Б. К. Шишкин: добрый дедушка, интеллигентнейший человек, который, будучи знаменитым ученым, свободно общался с молодыми. В. П. Бочанцев: очень болеет за гербарное дело, но не любит учить, вернее, направлять в нужное русло молодых. Именно поэтому не создал школы. В то же время, по конкретным вопросам всегда оказывает помощь. ...» По мнению Р. В., гербарные дела Бочанцева были его отвлечением от очень утомительной работы по маревым. В конце концов, В. П., подойдя к обработке самой трудной секции солянок, так и не создал монографии по этому роду, на который он уже не мог спокойно смотреть. Ан. и Ал. А. Федоровы: «Ан. А. сумел почти полностью раскрыться как флорист и систематик, чего нельзя сказать об Ал. А. Федорове, который особенно в последние годы много уделял (вынужден был уделять) административным вопросам. Но оба брата несомненно талантливы. ... Первая работа Ал. А. по растительности окрестностей Твери была одной из самых замечательных. С. Ю. Липшиц: Не вовремя признанный систематик, который в связи с этим озлобился на окружающих. Написал (с литературным даром) очерк об истории БИНа на определенном этапе времени, где дал очень резкие характеристики его сотрудников». Говорили мы также о М. Г. Попове, А. И. Толмачеве, Н. Н. Цвелеве, С. К. Черепанове и других личностях. Оказались в моем «досье» и такие записи с подзаголовком «Личные качества» (со слов Р. В. Камелина): «Ночной образ жизни (после отбоя членов семьи); быстро читает, имеет «дурную привычку» прочитывать книгу до конца с одного раза, любитель советских детективов¹; предпочитает работать на кухне при полной иллюминации (эта привычка осталась от коммунальной квартиры, когда в одной комнате жили Р. В., его жена Ольга Петровна и двое детей».

Проведя недолгое время в Улан-Баторе, занимаясь экипировкой нашего отряда на базе совместной советско-монгольской экспедиции, мы вскоре, с участием еще двух монгольских

ботаников и замечательных полевиков – флориста Гамболдта и знатока монгольских полыней Дариймы, отправились в путь. Непродолжительная езда по асфальту сменилась многополосьем грунтовых дорог. И как в них ориентировался Р. В. Камелин, оставалось для меня загадкой. Конечно, природа Монголии была просто очаровательной. Здесь я в первый раз увидел настоящие ковыльные степи от горизонта до горизонта, очень необычные каменистые даурские степи с доминированием *Filifolium sibiricum*, степи (или прерии, как называл их Р. В. Камелин) с участием *Scutellaria baicalensis*, очень своеобразные редколесья, роскошные луга и другие неповторимые участки природы Восточной Монголии. Поразили меня и многочисленные стада грациозных цзерж. Это была для меня первая флористическая экспедиция, главной целью которой был сбор гербария. Поэтому и Р. В. Камелин, и И. А. Губанов учили меня обращаться с большим его массивом и прежде всего с сушкой и досушиванием, на что уходило немало времени. Но самое увлекательное начиналось вечером, когда результаты дневных сборов Р. В. Камелин записывал в сводную книгу. Конечно, у него под рукой был известный «Определитель...» В. И. Грубова, но он не так часто им пользовался. Интересно, думал я, сколько же времени понадобилось Рудольфу Владимировичу, чтобы так прекрасно знать флору Монголии? У меня сложилось такое впечатление, что он знал все. Во всяком случае, в списке собранного не было неопределенных видов. На этом обычно заканчивался рабочий день, и все расходились по своим палаткам. Но только не мы с Р. В. Камелиным, с которым продолжались наши разговоры на самые разнообразные темы. Так, к концу экспедиции я понял, что для него нет неизвестных предметов для обсуждения и проблем, которые можно обсуждать и на которые он давал интересные и убедительные комментарии. Как правило, такие беседы заканчивались далеко за полночь. В общем, наши отношения с Р. В. Камелиным складывались самым теплым образом, порой я чувствовал о себе почти отеческую заботу.

Как и в любой экспедиции, в нашей поездке случались курьезные или комические ситуации. Расскажу лишь об одной. Дело происходило на крайнем востоке Монголии, на китайской границе в бассейне р. Нумэргин-Гол. Лагерь наш располагался на небольшой площадке на степном склоне прямо над заставой. В один из дней вместе с начальником заставы мы выехали в марш-

¹ По словам Ольги Петровны Камелиной, Рудольф Владимирович читал детективы следующим образом: сначала пролистывал (стоит ли читать), а затем читал их, но с конца.

рут, оставив лагерь на Дарийму. Дорог в нашем понимании там, естественно не было, а «охрана» границы осуществлялась периодическими объездами на лошадях, закрепленных за этой заставой территорий. Вечером, к концу маршрута, начальник сказал, что можно сократить обратный путь, но для этого надо преодолеть несколько болот. С шофером нам тогда повезло: он не любил нормальных дорог, с удовольствием гонял по грунтовым, а бездорожье было для него почти родной стихией. Полагаю, что и Р. В. Камелин придерживался аналогичных взглядов, поскольку было принято решение ехать укороченным, но рискованным путем. Короче говоря, на третьем болоте мы застряли, причем застряли основательно, сев на оба моста. Делать было нечего, надо было идти пешком домой (10 километров), поскольку довольно быстро стало темнеть. Мы забрали из машины продукты, сколько могли унести, и отправились к лагерю. С машиной оставался шофер, которому начальник на всякий случай передал свой автомат. Со стороны вся наша процессия выглядела довольно забавно: в глубоких сумерках почти на самой государственной границе по тропе идет группа одинаково одетых людей, на плечах которых висят продуктовые мешки и всю эту группу возглавляет офицер. На подступах к заставе навстречу нам уже скакали солдаты, потеряв своего командира. К великому удивлению Дариймы, мы появились в лагере уже в полночь, промокшие, да еще и без машины. На следующий день к нашей машине поехал единственный пограничный ГАЗ-66 с несколькими свободными от службы солдатами. Нас с собой не взяли. И только через три дня, теперь уже с нашим участием, машина была вызволена из болота.

В ходе этой поездки было собрано много флористических новинок. Поэтому уже после возвращения в Ленинград мы с Р. В. Камелиным стали планировать крупную экспедицию в Даурию, главным образом в долину р. Аргунь, с использованием вертолетной техники, т. к. дорог там не было. Была даже достигнута договоренность с Читинским авиаотрядом, но, увы, наступившая перестройка поломала все наши планы.

Еще одно ценное качество Рудольфа Владимировича мне хотелось бы отметить: он не чувствовал себя готовым. Я имею в виду, конечно, не повседневную бесхитростную пищу, с приготовлением которой успешно справлялись наши монгольские товарищи, а нечто более экзотическое в экспедиционных условиях. Я помню, например,

как Р. В. Камелин готовил с использованием местных трав зайца, которого по-настоящему загнал наш шофер на полностью загруженной машине, как собственноручно ощипывал и готовил дрофу, подстреленную Гамболдтом, как давал мне уроки приготовления плова, сидя в палатке у примуса.

В апреле следующего года я принял участие еще в одной казахстанско-среднеазиатской экспедиции под руководством Рудольфа Владимировича. Всем известно, что он любил крупные экспедиции. Вот и наша состояла формально из двух отрядов и в отдельные периоды насчитывала до 20 человек. Путешествовали мы на трех машинах: двух ГАЗ-66 и УАЗике с прицепом. Мне казалось, что такие экспедиции проигрывают в маневренности, но я ошибся. Началась она в Москве, а в Саратове к нам присоединился Р. В. Камелин. Далее мы направились на восток, в Казахстан и пересекли его с северо-запада от Уральска на юго-восток до Каратау. Затем переместились в Копетдаг. После него наш маршрут проходил через Бадхыз, отроги Кугитанга. Побывали мы в песках Каркумов, где основательно мерзли, в горах Западного Тянь-Шаня в труднодоступных местах в бассейне р. Туполанг, на пестроцветных низкогорьях Таджикистана (хр. Гайзимайлик). Заключительная часть экспедиции проводилась в Восточном Казахстане, где мы доехали до оз. Зайсан и до южных гор Казахстанского Алтая. В конце мая наша экспедиция завершилась в г. Алма-Ате. В этой поездке меня, прежде всего, поразило буйство красок особенно в Каратау и в Копетдаге, от тюльпанов, ирисов, луков, других эфемероидов и весеннецветущих растений. Очарователен был Бадхыз с фисташниками, многочисленными черепахами и лунным пейзажем оз. Ероландуз. Пышно цвел миндаль в ущелье Туполанга. Ведь до этого я был в Средней Азии только в летние месяцы, когда низкогорья оказывались выжженными, и чувствовать себя нормально можно было на высоте свыше 2000 м над ур. м. Основной целью экспедиции был, конечно, сбор гербария, но мы также собирали и образцы губоцветных для химического исследования (с нами был наш химик Г. А. Фокина). Для сбора формировались группы по 2–3 человека, маршруты для которых определял Р. В. Камелин. Поскольку большинство из нас были людьми молодыми, то всегда при этом мы стремились вверх, поближе к снегу. Но как-то раз Р. В. Камелин подметил: «Ребята! Если бы среди вас был В. П. Бочанцев (которого

Р. В. Камелин очень почитал), то он бы пошел не вверх, а вниз и принес бы немало интересного». Действительно, те, кто не стремился лезть высоко в горы, оказывались в более выгодном положении. И в этом мы убеждались почти каждый раз при вечернем разборе собранного гербария (а Рудольф Владимирович всегда радовался редкостям и отмечал тех, кто их собрал). Но два обстоятельства выводили Р. В. из себя: сбор так называемого «геоботанического сена» и сбор «микрogerбария» для личных целей, который закладывался, как правило, в полевые дневники и показывался шефу для определения.

У меня остались самые светлые впечатления от этой поездки. Несмотря на ее многолюдность, атмосфера была очень демократичной. Мы не чувствовали какого-либо давления со стороны Р. В. Камелина (пожалуй, за исключением одного случая, когда для трехдневного пешего похода через перевал в басс. Туполанга были отобраны только мужчины, что вызвало ропот со стороны некоторых наших дам). Как и прежде, он демонстрировал нам свое кулинарное мастерство, готовив незабываемые блюда из молодого барашка, которого я тайно выменял у пастуха на ... раскладушку. Очень хорошо помню, как в предгорьях хр. Кетмень в Казахстане Р. В. Камелин провел с нами в палатке всю ночь с песнопени-

ями и веселыми разговорами под вермутоподобный напиток, сваренный нами с использованием барбариса и полыни.

Летом этого же 1988 г. мы вновь поехали в Монголию (рис.). Это тоже была многочисленная экспедиция, в которой с нашей стороны принимали участие И. А. Губанов, Ю. В. Гамалей, Б. Н. Юрцев, В. М. Виноградова, Е. А. Волкова и Р. И. Никулина. С монгольской стороны, помимо Гамболдта и Дариймы, с нами ездил и аспирант Ю. В. Гамалей. Размещались мы в двух ГАЗ-66. На этот раз маршрут проходил через центральные, северные (Прихубсугулье), западные (Монгольский Алтай) и юго-западные (Гобийский Алтай) районы страны. Эта экспедиция также, но не столь уже формально, была разделена на два отряда: один с геоботаническим уклоном, а второй – флористический. Оказалось, что так ездить было не совсем удобно, поскольку часто то, что интересовало флористов, было не очень привлекательным для геоботаников. Иногда мы разъезжались в разные стороны, что приводило иногда к комичным ситуациям. Один раз мы разъехались настолько, что одну ночь провели в отдельности. А поскольку наши машины комплектовались как единое целое, то оказалось, что в одной есть ножи, но нет вилок и ложек, а во второй – миски, но не было кастрюль и т. д.

Рис. Монголия. Экспедиция 1988 г. А. Л. Буданцев и Р. В. Камелин (фото И. А. Губанова).

Поэтому впоследствии мы с Р. И. Никулиной, являясь «завхозами», разделили скарб таким образом, чтобы при случае быть полностью автономными (а окончательно разъехались мы за несколько дней до окончания экспедиции). Все это, конечно, нас слегка напрягало, но плодотворные сборы гербария, впечатления от красот увиденного, брали верх. Никогда не забуду огромные заросли пиона на степных склонах, роскошные разнотравные луга на Алтае, суровость низкогорий Гобийского Алтая. Запомнился мне и выпавший ночью снег в высокогорьях Прихубсугуля, от которого утром ярко-красные цветки *Cypripedium macranthum* были покрыты белыми шапочками. Нередко, как и в первой монгольской экспедиции, продолжались наши «полночные бдения» с Рудольфом Владимировичем. Но здесь очень интересными и познавательными для меня были также обсуждения его и Б. А. Юрцева проблем флористики (в особенности флорогенеза) и геоботаники.

После возвращения в Улан-Батор мы отмечали 50-летний юбилей Р. В. Камелина. Справляли его скромно, в номере гостиницы. Всех нас удивил Б. А. Юрцев, который свое небольшое опоздание на торжество объяснил тем, что сидел в очереди в парикмахерской. И за это время он написал стихотворение (он очень любил писать стихи), рефрен которого звучал так: «Андрей Бу-

данцев, Иван Губан, Рудольф Камелин, их атаман». Стихотворение было написано на туалетной бумаге.

Встречи с Рудольфом Владимировичем в последние годы его жизни, помимо чисто деловых и личных разговоров (он очень поддерживал меня во время болезни и ухода папы), проходили в основном в ходе заседаний президиума Русского ботанического общества, президентом которого он был на протяжении 25 лет. На этих заседаниях, проводившихся в маленькой комнатке за накрытым столом, Рудольф Владимирович не переставал меня поражать знанием очень многих «провинциальных» ботаников, направлением научной и околонаучной деятельности институтов, университетов, академий и других учреждений, имеющих к обществу прямое отношение. В это непростое для общества (не только ботанического) время он старался сделать все, чтобы отечественная ботаническая наука не развалилась на отдельные региональные «княжества».

Я иногда себе задаю вопрос: является ли для меня Рудольф Владимирович Камелин примером для подражания? Думаю, что нет, поскольку для того, чтобы ему «подражать» надо обладать хотя бы долей его таланта. Для меня он является образцом личности как человека и ученого, к которой следует стремиться.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

Kamelin R. V. 1973. *Florogeneticheskii analiz estestvennoi flory gornoj Srednei Azii* [*Florogenetic analysis of the natural flora of Middle Asia mountains*]. Leningrad. 356 pp. [In Russian]. (**Камелин Р. В.** Флорогенетический анализ естественной флоры горной Средней Азии. Л., 1973. 356 с.).

Kamelin R. V. 1997. Biological diversity and introduction of plants. *Rast. resursy* [*Plant Resources*] 33, 3: 1–12 [In Russian]. (**Камелин Р. В.** Биологическое разнообразие и интродукция растений // Раст. ресурсы, 1997. Т. 33, вып. 3. С. 1–12).